

Валерий Дудаков

**СКОРОГОВОРКИ
МЕДЛЕННЫХ РАЗДУМИЙ**

ПТИЧНИК КРЫСОЛОВА

КНИГА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Валерий Дудаков

**Скороговорки медленных
раздумий. Птичник
крысолова. Книга тридцать
шестая. 50 стихотворений.**

«Пробел-2000»

2022

УДК 821.161.1-1 Дудаков
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

Дудаков В. А.

Скороговорки медленных раздумий. Птичник крысолова.
Книга тридцать шестая. 50 стихотворений. / В. А. Дудаков —
«Пробел-2000», 2022

ISBN 978-5-98604-843-6

«Семьдесят четыре, вместе одиннадцать, Сложишь – в лото «барабанные палочки», Будто годы спешат и толкают в спину, Здесь и печки тебе, и лавочки...»

УДК 821.161.1-1 Дудаков
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

ISBN 978-5-98604-843-6

© Дудаков В. А., 2022
© Пробел-2000, 2022

Содержание

Тебе в 74	6
Лунная сказочка	7
Кузьминское кладбище	8
Покрывало дней	9
Более о паскудстве, чем об искусстве	10
Моя тропа	13
В который раз	14
Конец сентября	15
День в Калуге	16
Утро бывшего пионера	17
Поездка в парк имени К. С. Малевича	18
Вальс Медвежьих озёр	19
Не прощаюсь	20
Осенний этюд	21
Хвала прославленному	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валерий Александрович Дудаков
Скороговорки медленных раздумий
Птичник крысолова
Книга тридцать шестая
50 стихотворений

*...то уйдёт всецело,
Чем ты и дышишь и живёшь...*

Ф. И. Тютчев

*Мы вспоминаем выбывших и павших,
Всех тех, кто с днями нашего рожденья,
Был прошлым связан или настоящим.*

Автор

* * *

© Дудаков В. А., 2022

Тебе в 74

Семьдесят четыре, вместе одиннадцать,
Сложишь – в лото «барабанные палочки»,
Будто годы спешат и толкают в спину,
Здесь и печки тебе, и лавочки.

Из-под них не метут веник, швабры и прочее,
По углам тоска свернулась комочком,
И ворчит, и канючит, и денно и ночью,
Потому и не сплю, с боку на бок ворочаюсь.

А давай-ка пошире раскроем окна,
Занавески откинем, пусть солнце ворвётся,
Ты увидишь – тоска заскулит и смолкнет,
А кто в это поверит, тот верой спасётся.

Лунная сказочка (внукам и внучкам)

В тьму месяц закрался ночью,
Как кошка прыжком на крышу,
Свернулась она комочком,
Да кто здесь её услышит.

А месяц бледен от страха,
Что вором в чужой квартире,
И будет охать и ахать,
Один он в пустынном мире.

Отчаялся, сник и точка,
Ему в облаках бы скрыться,
Не светятся звёзд комочки,
Сколь темень та будет длиться.

А ночь его ждёт и нежит,
По лунной бежит тропинке,
Он вспыхнет румянцем свежим
Растаяв в рассветной дымке.

Кузьминское кладбище

Выдержав все приличья,
Близится эта встреча,
Прожитых лет табличка
Давит и грудь и плечи.

Как неуёмный странник,
Рушу, что сам построил,
Знать бы о том заранее
Кто нам глаза закроет.

Урны, могилы, склепы
Тех, кто почил, скрывают,
Тёмной ограды скрепы
Их от нас охраняют.

В зелени спят Кузьминки,
Тишь на исходе лета,
Тесные две могилки,
Места на надпись нету.

Там мать, отец и тётка,
Бабушка, младший братик,
Дятел долбит чечёткой,
Дни Христа ради тратя.

Здесь упокоюсь в бозе,
В древности так сказалоь,
Строго с меня Он спросит,
Там, где конец – начало.

Покрывало дней

Мне утренняя в радость тишина,
В сугробах снег, огней фонарных нитка,
За Раменкой притихшие дома
От снов никак не могут пробудиться.

Встаю я до рассвета в шесть утра,
Вот, скажут, рано, мне ж не много и не мало,
Так каждый день «сегодня» со «вчера»
Сшивается лоскутным одеялом.

И слово есть такое: пестрорядь,
Мелькают годы, где-то рядом старость,
Всё в суете, а обернёшься – глядь,
Дней лоскутки, что нам сшивать досталось.

Одни, как сон, вобрали неба синь,
Другие праздничны, нарядны яркой краской,
А третьи блёклы, впрочем, не с кого спросить,
Не расцветили их и тратим понапрасну.

Но, видно, нам степенность не дана,
И суета чертою жизни стала,
Жаль не живём мы в эти времена,
Когда так бережно сшивали покрывало.

Что до себя, о том и погрузу,
Ведь доживать немного лет осталось,
И думать повседневно не хочу,
Когда укроет жизнь лоскутным одеялом.

Более о паскудстве, чем об искусстве (о Вальке Воробьеве)

Он «Враг народа» и «Левак»,
И «Графоман», но не дурак,
В писаниях «нечестных правил»
Художник злобный след оставил.
Его мы многие познали,
Присвоил славу он Вазари,
Но только с жаром, пылом, страстью,
Не избежав дурной напасти,
Впадая в ложь, хулу, паскудство
«Другое» описал «искусство»,
Склоняя всех и так и сяк,
Слепил друзей ареопаг,
При этом, прямо или вскользь,
К их славе грязи кинуть кость.
Не станем мы на то сердиться,
Кому от зависти не спится
В своих стенаньях бесполезных
Страдать «за что же я безвестный».
К кому всю жизнь ломаются в гости,
Кому в удел крысиный хвостик.
Да будь ты «профи», дилетантом,
Всё ж надо обладать талантом,
А не предвзято и игриво
Точить на славу зубы криво.
Срывая многие личины,
Он в людях видел только зло,
И это главная причина,
За что ему не повезло.
Явления такого сорта
Ему от слов: себе покорствуй,
Для пакостника, знамо дело,
В говне все, он в рубашке белой,
Но кто дозволил для «ликбеза»
В чужие матки правду резать?
Пройдоха, бомж, Лобанов-ль князь,
Ты никого не пожалей,
Пиши, макая мордой в грязь,
На то ты шустрый Воробей,
Что каркает вороной грозной,
Владимир пусть, Иван ли Грозный,
Будь Рюрик иль Романов род,
Хотел он всех е... ть бы в рот,
Достоин кто его молвы —

Не перечислить всей хулы.
Как спецпатологоанатом,
Как циник, всех пославший на х... й,
Пороки он вскрывал людей
И видел гнойники, нарывы
Тех, кто ему «не вышел рылом»,
Сей пасквилянт и лицедей.
И всех, кто хочет иль не хочет,
Он оболжёт, в дерьме замочит,
Хотя он с ними долго знался
И в дружбе верной, вечной клялся,
Ему едино – враг иль друг,
Живут пусть там, пусть здесь живут,
В суд подадут за клевету.
Он верховодит, судит, рядит,
Всем обвинитель, прокурор,
А в довершение нагадит
Завистливый «парижский вор».
Будь президент Барак Обама,
В терминологии Воробьева,
Почище сленга воровского,
Он ниггер и Бардак Е... аный,
Но визгу и хулы не будет,
Коль на язык попался б Путин,
Какое б вы сказали дело
Нам до того? Слиняла смелость.
Шизофрения, пьянство, блядство
Его «конёк», святое братство,
Сменив палитру на поллитра,
Живописать и рисовать —
У них лишь время отнимать,
И, как писал еженедельник,
«В Парнас вскарабкался бездельник»
И объявил всё это злом,
Короче, людям повезло,
Ведь для реклам такого рода
Настала оттепель погоды.
Так стали Воробьева книги
Всем нам показанные фиги,
В которых много злой брехни
Его героев, их родни.
Пора бы стих и подытожить —
Вселенский гул, эффект ничтожен,
Но сколько пыла, силы страсти,
Карает всех его рука.
Но, ради правды, я не скрою,
В его пасквильных «Леваках»
Есть три богатыря – героя,
Которых он слегка уроет,

Но выдаст за борцов идейных.
Пусть Нусберг, Ситников и Гробман
Забыты памятью народной
И мне их вспомнить что-то лень,
Да шайку этих прохиндеев
И не отмоет судный день.
Что ж, будь прижизненный я классик,
Иль это только лишь мечта,
Сказал бы: все мы в Божьей власти,
И те, в ком правды ни черта.

Моя тропа

Не пойму, почему, как же так,
Что не знал я вас прежде,
Но почти уже свыкся,
Пусть, впрочем, сноровка не та,
Лишь теперь понимаю,
Что эти озёра Медвежьи,
Для меня, заплутавшего,
Верная волчья тропа,

Там, где спрятался лес
В стекленеющих глянцевах водах,
В их бездонной глуши,
Отраженье небес синевою,
Нахожу я себя,
От сует отвернувшись, и чтобы
Мне не в стае брести,
А своей лишь дорогой одной.

С каждым годом она
Всё сужается, меньше и тоньше,
И конец уж пути,
Вероятно, совсем не далёк,
И в вечернем закате
Церковный звенит колокольчик,
И склонится во ржи,
Синь небесную скрыв, василёк.

Звук плеснувшей волны
Проскользнёт отголоском в затоне,
Рыба, плеща, всплывёт,
Невзирая на риск свой и страх,
И пасутся в лугах
Рыжегривые резвые кони,
И стрекочут стрекозы,
Ведя хоровод в камышах.

В который раз

В пруду Кусково жёлтые кусты
С их отраженьем карусель заводят,
Задумчиво скульптуры в тенях бродят,
На холод ёжатся намокшие листья.

Замрут на миг, фигур печальны лица,
Пусть немые, но быть может меж собой
В общенье, в темень скрывшись наготой,
Чтоб с белизной покровов снежных слиться.

Близь них мне задержаться, лисий хвост
Игривой осени приметить на опушке,
И вспомнить, что писал про осень Пушкин,
Как стих его изыскан был и прост.

Но не дано мне, скажут «стихоплёт»,
Порой удачны пусть бывают строки,
Но всё же каждый год приходят сроки
Ловить строфу, что с осенью придёт.

Но не спешу совсем, не унываю,
Нас много, пишущих, тому свидетель сам,
Но истин возвышающий обман
По осени охотней принимаем.

Конец сентября (кроме шуток)

Опять не сбылись приметы
И изморозь к утру в проседь,
Вот, вроде, не бабье лето,
Но и не мужичья осень.

С дождями, где ветер в жалость
Гундит, голосит в отчаянье,
Тепло, мол, не удержалось,
А он как виновный крайний.

Циклоны всему причиной,
А мы всё Велес да Власий,
От них, мол, дугой осины
И гнутся и стонут басом.

Опять ведь всё врут прогнозы,
Вот выкуси вроде накось,
Не лето, а бабы с возу
И хлюпают влагой в слякоть.

Почто весь сентябрь в тучах,
Не то ведь, что было прежде,
Но где-то скользнувший лучик
Заронит тепла надежду.

День в Калуге

Калужский ветер свеж, прохладен,
Букетом ярким вспышки клёнов
Средь парков и садов зелёных
Сверкают осени наградой.

Рассветной тишины покой,
Не слышно с улицы, ни звука,
Проснётся утро, снов минуты
Сменятся суетой дневной.

Затейлив город, стар и нов,
С причудинкой, щиты рекламы
Вдаль заслоняют панораму
Игрой затейливых цветов.

Привычка к местному нужна,
И сладкой выпечкой калужской
Все ж угостись на всякий случай,
Всеместно славится она.

Пройтись Двором гостиным мимо,
Плотнее застегнув пальто,
Взглянуть в витрину магазина
С названьем «Там где никто».

В заботы город погружён,
И башню старой колокольни
Качает словно и невольно
Музейный вспомнится Юон.

Прочерчен мост прямой стрелой,
Лес ближий тетивой из лука
Пронзил окраину Калуги,
Согнув изгиб дуги Окой.

Музей, что космос сторожит
Готовой к выстрелу ракетой,
Неподалёку, рядом где-то
Приют, где Циолковский жил.

В саду от памятника тень,
Но сказка былью только в сказках,
А осень провожает с лаской
Калужский благодатный день.

Утро бывшего пионера

На свежесть ветра продышаться выхожу,
Причину почему, зачем, никто не скажет,
Следы я прошлого в сегодня нахожу
И сам себя ищу как давнюю пропажу.

Так возвращаюсь в дни ушедшие опять,
Давно смирился с тем, что я совсем не молод,
Проходят осени и цифра «семьдесят пять»
Напоминает, как ни странно, серп и молот.

Мне говорят: уж тридцать лет не та страна,
Такой ведь нет и никуда уже не деться,
Не возражу, но всё ж в том моя вина,
Что позабыл свою я юность вместе с детством.

Да, эти годы так суровы, не просты
Мол, то что помнится, об этом не жалейте,
Рожайку-речку, пионерские костры,
Флаг, гордо поднятый на утренней линейке.

И груз забот, что тяжело было нести,
Победы радость, ту, что все с надеждой ждали,
И подводили под расстрельные статьи
Ночные гости цвета воронёной стали.

За годы может обличений голос стих,
Себе советую подчас иных признаний,
Поменьше пафоса, да и упрёков злых,
Побольше тёплых и живых воспоминаний.

Поездка в парк имени К. С. Малевича

Был ясный день, звенела неба просинь,
Не бабье лето пусть, но повезло,
И грела лес «немчиновская» осень,
А в сотнях вёрст «Малевичи» село.

Неясны нам названия причины,
То парадокс, что тянет, вдаль маня,
Где пряталась дождливая личина
Под доброй маской солнечного дня.

Мы часто здесь компанией бывали,
А было б хорошо прийти вдвоём
И помечтать, но с радостью узнали,
Что строят водопад и водоём.

С Малевичем всегда совсем непросто,
С рождением, смертью, датами картин,
И славой редкой, двухметроворостой,
В ней, впрочем, сомневаться нет причин.

Ему с трудом далось искусства знанье,
Супрематизм не прост совсем не зря,
Казался он пророческим посланьем,
Листая новый смысл календаря.

Мне повезло, и редким даром станет
Вся дружба, что безмерно я ценил,
С той женщиной, что Уной звали в память
«Уновиса», я это сохранил.

Здесь от безделья творчество излечит,
Хоть можно место новое найти,
И где дубовой рощею Малевич
Мостил к своей теории пути.

Не счесть тех форм, а сколько смыслов вышло,
Творец супрематизма был бы рад.
Свет гас и погружался мир застывший
Во тьму, как бесконечный квадрат.

Вальс Медвежьих озёр

Опять забреду, как прежде,
В озёра я те Медвежьи,
Здесь тихо и кружится,
кружится лист над водой,
Знакомо всё так, понятно,
И осени запах сладкий
Напомнил сегодня мне
прошлые встречи с тобой.

Камыш сник неровной щёткой,
В нём птицы шумят трещотки,
И рыбы, проснувшись,
недвижно скользят по воде,
Вдогонку им плещут утки,
Вспорхнув в небо на минутку,
И здесь я покоен и тих, как быть может нигде.

А там, в отдаленье леса,
Собралась дождя завеса,
Но влагу пролить не торопится, копит в тайне,
И я чуть заметно, скромно,
Страдаю душой бездомной,
Медвежьи озёра приютом, но только не мне.

Не прощаюсь

Снова в краях Медвежьих мы,
Были и до сих пор,
Скрип под ногой валежника
Гаснет в тиши озёр.
С прежней расстаться ношею
Смелость порой нужна,
В эту прогулку в прошлое,
Прежние времена.

К лесу тропинки тянутся,
Я им желанный гость,
Дождик, запойный пьяница,
Лижет рябины горсть,
Машет приветно ветками
На косогоре бор,
Радует, словно в детстве мы,
Крапчатый мухомор.

Светят чуть звёзды-странники,
В дымке и не видны,
Глохнешь, ни звука раннего
В логове тишины,
Просим приюта осени,
Чтобы не знать разлук,
И отраженьем в озере
Тени сплетённых рук.

Осенний этюд

Красным отсвет в клёнах тлеет,
Золотит их вновь, как встарь,
Все цветистей и пестрее
Октября живой алтарь.

Полыхнуть окрасом может,
Пламенеет на мороз,
Сбросив листья, дуб тревожит
Чёрным золото берёз.

Запаслись они терпением,
Стынут с ног до головы,
И к Покрову будут зренье
Тешить снежные стволы.

В них кукушка отзовётся,
Счёт её совсем не прост,
Сквозь кустарники метнётся
Солнца блик, как лисий хвост.

Кратка осень, благочинна,
Тает свечкой с каждым днём,
Только вовсе нет причины
Нам печалиться о том.

Хвала прославленному

Стала символом русским берёза,
Да и где только их не видать,
Не метафора – метаморфоза —
Где берёза – там родина-мать.

От японских холмов до Карелии,
Заселили гурьбой белый свет,
Может, есть и породы старее,
Благородней, роднее лишь нет.

Лёгким парусом взлёт оперенья,
Тонкой мачтою белой стволы,
И извечное к небу стремленье,
Все вобрав в себя соки земли.

Буйным летом им царствовать нужно,
А на осень в тиши прикорнуть,
И в морозы печалиться дружно,
Слёзы мёрзлые с веток стряхнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.